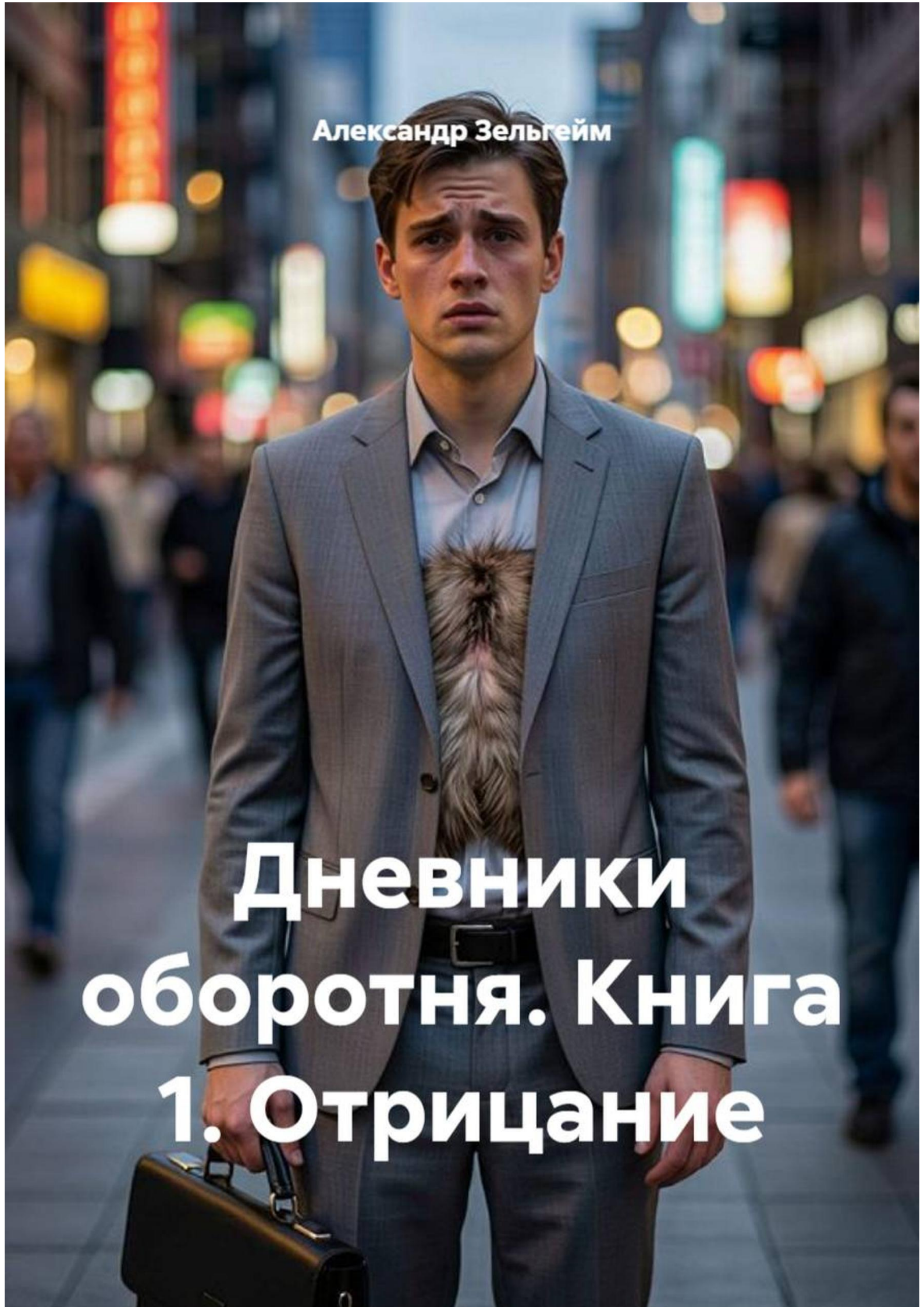


A man with dark hair and a worried expression stands in the center of a busy city street at night. He is wearing a grey suit jacket over a light blue shirt and a brown fur vest. He holds a black briefcase in his right hand. The background is filled with blurred lights from buildings and other pedestrians, creating a bokeh effect.

Александр Зельгейм

Дневники оборотня. Книга 1. Отрицание

Александр Зельгейм

Дневники оборотня.
Книга 1. Отрицание

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Дневники оборотня. Книга 1. Отрицание / А. Зельгейм —
«Автор», 2026

Макс — обычный парень. Работа, ипотека, девушка Лена. Одна проблема: каждый месяц он превращается в волка. Он ненавидит себя, прячет шерсть в стоке, врёт про парик для косплея и боится, что однажды укусит ту, которую любит. Это дневник о том, как он проходит через отрицание, гнев, торг и депрессию, пытаясь ответить на вопрос: «Кто я — монстр или просто волк?» Сатира на корпоративы, эзотерику, блоги и попытки быть «нормальным». Смешно, цинично и до боли честно. Для всех, кто хоть раз боялся себя.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Александр Зельгейм

Дневники оборотня. Книга 1. Отрицание

Подзаголовок: «Я не оборотень. Я просто волосатый»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Александр Зельгейм

Как я оказался в этой истории

Я не планировал писать эту книгу. Я вообще не планировал **встречать** Макса. Я сидел в кофейне. Работал над очередным романом. Никого не трогал. И тут за мой столик **сел волк**.

Настоящий. Тёмно-серый. С жёлтыми глазами. С клыками. С наглой ухмылкой. Он посмотрел на меня. Долго. Внимательно. Потом сказал:

— Ты пишешь?

Голос был **низкий**. С хрипотцой. Как будто кто-то **провёл наждачной бумагой по стеклу**. Я почувствовал, как **волосы на руках встали дыбом**. Не от страха. От холода. Кофейня была **тёплой**, но мне стало **зябко**.

— Пишу, — сказал я. — А вы... кто?

— Я — Макс, — сказал он. — Я — оборотень. И я хочу, чтобы ты написал мою книгу.

Я засмеялся. Нервно. Как он. Он не засмеялся. Он смотрел на меня. Как будто я был **добычей**. Или **источником**. Или **тем, кто может помочь**.

Запах был странный. Не кофе. Не корица. Что-то другое. Земляное. Тёплое. Как будто он только что вышел из леса. Или из своей кожи.

— Почему я? — спросил я. Голос дрогнул. Я сам не понял почему.

— Потому что ты **человек**, — сказал он. — А мне нужен кто-то, кто **посмотрит со стороны**. Кто **не боится**. Кто **поймёт**.

— Я боюсь, — сказал я. **Честно. Потому что боялся. Потому что его глаза были жёлтыми. Как у хищника. Как у того, кто может убить.**

— Все боятся, — сказал он. — Это нормально. Главное — **не убегать**.

Я не убежал. Я остался. Я слушал. Я записывал. Я **прожил с ним пять лет**. Каждое полнолуние. Каждую трансформацию. Каждую ссору с Леной. Каждую битву с собой.

Эта книга — **не моя**. Это **его**. Я просто **записал**. Я просто **услышал**. Я просто **понял**.

Я не знаю, кто вы. Может, вы оборотень. Может, вампир. Может, человек, который устал прятаться. Неважно. Эта книга **для вас**. Для всех, кто **боится себя**. Для всех, кто **ищет себя**. Для всех, кто **хочет быть собой**.

Я не буду говорить, что эта книга изменила мою жизнь. Она **не изменила**. Я всё ещё человек. Я всё ещё боюсь. Я всё ещё прячусь. Но я **знаю** теперь: **быть собой — это нормально**. Даже если ты волк. Даже если ты монстр. Даже если ты просто устал.

Добро пожаловать в стаю.

Александр Зельгейм

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ МАКСА

Это не книга. Это моя жизнь

Я не писатель. Я не философ. Я не тот, кто «хочет донести истину». Я — Макс. Я — оборотень. И это не метафора.

Я пишу эти строки **руками**, которые через двенадцать дней начнут **обрастать шерстью**. Я чувствую это сейчас. **Покалывание под кожей. Как будто миллион малень-**

ких иголок медленно пробиваются наружу. Я чешу тыльную сторону ладони. Ногти скользят по коже. Кожа натянута. Как барабан. Горячая.

Я пишу эти строки глазами, которые уже сейчас желтеют по краям. Я вижу это в зеркале. Радужка становится золотистой. Зрачок сужается. Мир становится чётче. Резче. Слишком ярким. Как будто кто-то выкрутил контраст на максимум.

Я пишу эти строки горлом, которое через двенадцать дней начнёт выть. Я чувствую это сейчас. Сжатие в горле. Как будто там застрял комок. Тёплый. Пушистый. Живой. Он шевелится. Он ждёт.

Я не просил быть таким. Я не выбирал. Я проснулся однажды — и понял, что моё тело не моё. Что мои зубы растут. Я чувствую это сейчас. Десны ноют. Как будто кто-то медленно выдвигает из них что-то острое. Клыки. Я провожу языком по ним. Они длиннее, чем вчера. Острее. Мои.

Тогда я начал писать. Не для вас. Для себя. Чтобы не сойти с ума. Чтобы запомнить, что я человек. Чтобы доказать себе, что я существую.

Потом появилась Лена. Потом Валера. Потом Ася. Потом Бублик. Потом дети. Потом стая. И я понял: я не один. И эта книга — не только моя. Она — наша.

Я не буду говорить, что она изменит твою жизнь. Не изменит. Я не буду говорить, что она научит тебя чему-то. Не научит. Я просто расскажу, как это было. Как я боялся. Как я злился. Как я ненавидел себя. Как я принял себя. Как я стал собой.

Может, ты узнаешь себя. Может, ты засмеёшься. Может, ты заплачешь. Может, ты закроешь книгу и забудешь. Всё нормально. Я не обижусь. Я сам такой.

Но если ты останешься — если ты дочитаешь до конца — если ты поймёшь, что ты не один — значит, я писал не зря.

Макс

Р.S. Я не знаю, кто ты. Может, ты волк. Может, ты человек. Может, ты просто устал. Неважно. Ты — свой.

Р.P.S. Если ты встретишь волка — неважно, какого цвета — не пугайся. Он, скорее всего, просто хочет есть. Как все мы.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ЛЕНЫ

Я не героиня. Я просто женщина, которая осталась

Я не знаю, зачем Макс попросил меня написать это. Он говорит: «Ты — часть истории». Я говорю: «Это твоя история». Он говорит: «Это наша история». Я говорю: «Тогда почему я должна писать?» Он говорит: «Потому что ты — человек». Я говорю: «И что?» Он говорит: «Ты можешь объяснить то, что я не могу».

Я не знаю, что объяснить. Я просто жила с ним. Пять лет. Каждый день. Каждую ночь. Каждое полнолуние. Я готовила ему мясо. Сырое. Кровавое. Я чувствовала запах крови на своих руках. Тёплый. Металлический. Липкий. Я мыла руки. Долго. С мылом. Но запах оставался. Как будто кровь впиталась в кожу. В меня.

Я терпела его вой. Я слышала его ночью. Не как звук. Как вибрацию. В стенах. В полу. В моей груди. Я просыпалась от этого. Сердце колотилось. Во рту пересохло. Я протягивала руку и касалась его шерсти. Тёплой. Живой. Мокрой от пота. Он замолкал. Я засыпала.

Я видела, как он превращается. Я видела, как кожа трескается. Как шерсть пробивается сквозь неё. Как кости двигаются под кожей. Я слышала хруст. Не один раз. Много. Каждое полнолуние. Я привыкла. Почти.

Я видела, как он боится. Как дрожат его руки. Как он сжимает кулаки. Как ногти впиваются в ладони. Как кровь выступает из ранок. Он не замечал. Я замечала.

Я видела, как он ненавидит себя. Как он смотрит в зеркало. Как отводит взгляд. Как разбивает стекло. Как кровь течёт по его руке. Как он плачет. Без слёз. Просто смотрит. И ненавидит.

Я видела, как он принимает себя. Как он улыбается. Как его глаза становятся мягче. Как он перестаёт дрожать. Как он начинает жить. Не существовать. Жить.

И я осталась. Не потому что я героиня. Не потому что я святая. Не потому что я не боюсь. Я боюсь. Каждый день. Каждую ночь. Каждое полнолуние. Но я осталась. Потому что люблю. Потому что он — мой. Потому что без него я не я.

Эта книга — не о том, как трудно жить с оборотнем. Она о том, как трудно жить с собой. С своими страхами. С своими сомнениями. С своими «а что, если». Макс борется с волком. Я борюсь с собой. Мы оба проходим через гнев, торг, депрессию и принятие. Просто по-разному.

Я не знаю, кто ты. Может, ты человек, который любит монстра. Может, ты монстр, который любит человека. Может, ты просто ищешь ответы. Неважно. Я не буду тебя учить. Я не буду тебя спасать. Я просто расскажу, как это было со мной.

Лена

P.S. Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что я буду рядом. Всегда.

P.P.S. Если ты встретишь волка — неважно, какого цвета — не убегай. Он, скорее всего, просто хочет, чтобы его погладили. Как все мы.

Запись 2. «Парик для косплея»

Вторник. До полнолуния — 5 дней. :

Сток забился. Я понял это утром. Вода в раковине стояла. Не уходила. Тёмная. С плёнкой на поверхности. Как будто кто-то налил туда масла. Я потрогал рукой. Скользящая. Холодная. Мёртвая.

Лена вызвала сантехника. Я слышал, как она говорила по телефону. Голос был спокойным. Деловым. Чужим. Как будто она говорила с кем-то другим. Не со мной. Никогда со мной.

Мужик пришёл в синем комбинезоне, с чемоданчиком и усталыми глазами. Комбинезон был грязным. Пятна масла. Пятна краски. Пятна чего-то ещё. Я не хотел знать. Чего. Он пах машинным маслом и сигаретами. Запах был густым. Тяжёлым. Как будто он пропитался им. Насквозь. Как будто он сам был сделан из масла. Из дыма. Из усталости. Он сказал:

— Здравствуйте. Где проблема? Голос был низким. Хриплым. Как будто он курил с рождения.

— В ванной, — сказала Лена. — Вода не уходит. Она показала рукой. Плавно. Как будто дирижировала. Как будто всё было под контролем.

Сантехник пошёл в ванную. Я услышал его шаги. Тяжёлые. Медленные. Как будто он нёс на себе весь мир. Или чемоданчик. Или свою усталость. Я остался в комнате. Я знал, что там. Я знал, что он найдёт. Я знал, что это будет. Я чувствовал, как шерсть под кожей пульсирует. Как будто она знала. Как будто она ждала. Как будто она хотела, чтобы её нашли.

Через минуту он вышел. В руках он держал комок. Размером с хомяка. Тёмно-серый. Густой. Мокрый. Я увидел его издали. Я почувствовал запах. Мой. Звериный. Мокрый. Как будто кто-то вытащил из меня кусок. Вырвал. С корнем. С болью.

— Это что? — спросил он. Глаза расширились. Чуть-чуть. Совсем немного. Но я увидел.

— Это... — начала Лена. Голос дрогнул. Я услышал это. Как будто струна лопнула. Тихо. Внутри.

— Это парик, — сказал я. Голос был твёрдым. Слишком твёрдым. Как будто я репетировал это всю жизнь.

Сантехник посмотрел на меня. Внимательно. Долго. Как будто он видел меня насквозь. Как будто он знал, что я вру. Потом на комок. Потом снова на меня. Его взгляд был как рентген. Как будто он просвечивал меня. Насквозь. До костей.

— Парик? — переспросил он. Бровь поднялась. Чуть-чуть. Совсем немного.

— Да, — сказал я. — Я ношу парик. Для работы. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

— Для какой работы? Он не отводил взгляд. Смелый. Или просто усталый. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

— Для ролевых игр, — сказал я. — Я косплею. Волка. Я почувствовал, как клыки заняли. Как будто они хотели показаться. Хотели быть увиденными.

— Волка, — повторил сантехник. Медленно. Как будто пробовал слово на вкус. — В парике. Он посмотрел на комок. Потом снова на меня. Взгляд был тяжёлым. Как будто он взвешивал что-то. Внутри себя. Решал. Стоит ли.

— Да, — сказал я. — Это хобби. Я пожал плечами. Как будто это было ничего. Как будто это было всё. Как будто это было моей жизнью.

Он пожал плечами. Медленно. Как будто ему было всё равно. Как будто он видел всякое. Как будто он видел хуже. Положил комок в пакет. Пакет зашуршал. Резко. Громко. Как будто кто-то разорвал бумагу. Сказал:

— Триста рублей. Голос был ровным. Спокойным. Как будто он говорил это каждый день. Как будто это было его работой.

Я заплатил. Деньги были холодными. Мятыми. Как будто я держал их в кармане слишком долго. Он ушёл. Дверь закрылась. Щелчок был резким. Громким. Как будто кто-то поставил точку. В конце предложения. В конце чего-то. Я выдохнул. Воздух вышел из лёгких. Тёплый. Влажный. Как будто я держал его слишком долго.

— Макс, — сказала Лена. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — Это твоя шерсть. Она смотрела на меня. Внимательно. Долго. Как будто она видела меня насквозь. Как будто она знала всё.

— Это парик, — сказал я. Голос был твёрдым. Слишком твёрдым. Как будто я репетировал это всю жизнь. Как будто это было моей мантрой. Моей ложью. Моей жизнью.

— Я узнаю её по цвету, — сказала Лена. — Тёмно-серая. Густая. Как у волка. Она не отводила взгляд. Смелая. Или просто усталая. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

— У волков не такая шерсть, — сказал я. — У волков она серая. А это тёмно-серая. Значит, это не моя. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто её ударило током. Раз. Другой. Третий.

— А чья? Она не отставала. Как будто она знала, что я совру. Как будто она ждала этого. Как будто ей было важно услышать это от меня.

— Ничья, — сказал я. — Это просто шерсть. Бывает. Я пожал плечами. Как будто это было ничего. Как будто это было всё. Как будто это было моей жизнью.

Лена вздохнула. Тихо. Долго. Как будто она выпускала из себя что-то. Что-то тяжёлое. Что-то тёмное. Что-то своё. Она не поверила. Я знал, что она не поверила. Она знала, что я знаю. Мы знали друг друга слишком хорошо. Это было проклятие. Или благословение. Или и то, и другое. Как всегда.

Ночью я не спал. Я лежал в постели. Простыни были холодными. С одной стороны. Тёплыми. С другой. Там, где спала Лена. Я чувствовал её тепло. Как будто оно перетекало в меня. Через матрас. Через простыни. Через кожу. Я лежал и слушал.

Слушал, как шерсть растёт. Я слышал это. Не ушами. Кожей. Как будто кто-то проводил пальцем по моей спине. Изнутри. Медленно. Настойчиво. Как когти удлиняются. Я чувствовал это. В кончиках пальцев. Как будто они вытягивались. Как будто они становились острее. Мои. Волчьи. Как сердце бьётся быстрее. Я слышал его. Громко. В ушах. В горле. В висках. Как луна где-то там зовёт. Не звуком. Теплом. В затылке. В позвоночнике. В пальцах ног.

Я встал. Пол был холодным. Плитка обжигала босые ступни. Я не чувствовал это раньше. Теперь чувствовал. Каждый шаг. Как будто кто-то тыкал в меня иглами. Снизу вверх. Пошёл в ванную. Свет был ярким. Слишком ярким. Глаза заслезнились. Я прищурился. Посмотрел в зеркало. Глаза были жёлтые. Яркие. Как два фонаря. Клыки были длиннее. Я провёл языком по ним. Острые. Тёплые. Мои. Шерсть на груди пробивалась сквозь футболку. Тёмная. Густая. Как будто она хотела вырваться. Наружу. На свободу. Я снял футболку. Ткань затрещала. Тихо. Как будто она прощалась. Посмотрел на себя. Полуволок. Получеловек. Никто. И всё. Сразу. Я чувствовал каждую клетку своего тела. Каждую мышцу. Каждую кость. Всё было чужим. Всё было моим.

Я закрыл глаза. Сосчитал до десяти. Медленно. Как будто каждый счёт был отдельной жизнью. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Открыл. Глаза были коричневые. Линзы вернулись на место. С тихим щелчком. Как будто кто-то закрыл дверь. Клыки втянулись. Я почувствовал это. Как будто они уходили обратно в десны. Медленно. Болезненно. Правильно. Шерсть исчезла. Я почувствовал это. Как будто она втягивалась обратно под кожу. Как будто она пряталась. Как будто она ждала. Следующего раза.

Я выдохнул. Воздух вышел из лёгких. Тёплый. Влажный. Как будто я держал его слишком долго. Пять дней. Пять дней до полнолуния. Пять дней притворства.

Я вернулся в постель. Лена спала. Я слышал её дыхание. Ровное. Спокойное. Живое. Она улыбалась во сне. Губы дрогнули. Чуть-чуть. Совсем немного. Но я увидел. Я позавидовал. Она улыбалась. Во сне. А я не мог. Потому что мне снились белки. И погони. И луна. Всегда. Луна.

Я обнял Лену. Руки были тяжёлыми. Как будто они принадлежали кому-то другому. Она прижалась ко мне. Тепло. Мягко. По-человечески. Я почувствовал, как её тепло перетекает в меня. Через кожу. Через шерсть. Через всё. Я закрыл глаза. И заснул. И во сне я снова бежал. По лунному свету. Свет был холодным. Серебристым. Живым. И это было единственное время, когда я чувствовал себя собой. Настоящим. Живым. Своим.

Запись 3. «Тимбилдинг для волка»

Среда. До полнолуния — 4 дня.

Корпоратив. Я ненавижу корпоративы. Запах алкоголя ударил в нос сразу — резкий, сладкий, с примесью духов. Я ненавижу тимбилдинг. Шум голосов сливался в гул — как будто кто-то включил радио на полную громкость. Я ненавижу людей, которые улыбаются и говорят «мы — одна команда». Их улыбки были как маски — приклеенные, фальшивые. Мы не одна команда. Мы — люди, которые терпят друг друга ради зарплаты. Терпение было как натянутая струна — долго, тяжело. И один оборотень, который пытается не завывать на начальника. Мой вой был как камень в горле — тяжёлый, невысказанный.

Начальник сказал:

— Макс, это обязательное мероприятие. Голос был гладким. Как будто он репетировал это перед зеркалом. Как будто он знал, что я буду сопротивляться. Как будто ему было всё равно.

Я сказал:

— У меня аллергия на тимбилдинг. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Это обязательное мероприятие, — повторил он. Медленно. Как будто он говорил с ребёнком. Как будто он знал, что я сдамся. Как будто он видел меня насквозь.

Я пошёл. Ноги были тяжёлыми. Как будто они принадлежали кому-то другому. Как будто они не хотели идти. Как будто они знали, что будет плохо.

Ресторан. Шум. Смех. Запах жареного мяса. Горячего. С кровью. С маслом. Я почувствовал, как слюна наполнила рот. Тёплая. Густая. Как будто я уже ел. Как будто я уже знал вкус. Я сел в угол. Спина к стене. Так безопаснее. Так я видел всех. Так я мог контролировать. Хотя что-то. Заказал стейк. Прожарка — средняя. Кровь — есть. Я чувствовал запах крови из кухни. Тёплый. Металлический. Живой. Как будто кто-то открыл дверь в другой мир. В мир, где я был собой. Где я был волком.

Я ел. Медленно. Наслаждаясь. Чувствуя, как мясо успокаивает зверя внутри. Зубы входили легко. Слишком легко. Мясо было мягким. Тёплым. Волокнистым. Я жевал медленно. Чувствовал, как соки выделяются. Как язык обволакивает кусок. Как слюна наполняет рот. Как горло сжимается. Голод. Настоящий. Звериный. Я проглотил. Почувствовал, как мясо проходит по пищеводу. Тёплое. Тяжёлое. Настоящее. Как будто внутрь пролили расплавленный металл. Но не больно. Приятно. Правильно.

Коллеги пили вино. Красное. Тёмное. Как кровь. Я чувствовал запах алкоголя. Сладкий. Тяжёлый. Как будто кто-то пролил сироп на пол. Они обсуждали KPI. Смеялись над шутками начальника. Я молчал. Я чувствовал, как под кожей что-то растёт. Хвост. Позвоночник удлинялся. Кости двигались. Я слышал хруст. Свой. Внутри. Как будто кто-то ломает сучья для костра. Я сел на хвост. Буквально. Тяжело. Медленно. Как будто я садился на иголки. Чтобы никто не видел.

Потом была игра. «Твистер». Разноцветные круги на полу. Люди изгибались. Смеялись. Падали друг на друга. Весело. Мне было не весело. Мне было страшно. Я чувствовал, как хвост под штанами пульсирует. Как будто он жил своей жизнью. Как будто он хотел вырваться. Наружу. На свободу.

— Макс, твоя очередь! — крикнул начальник. Голос был громким. Слишком громким. Как будто он кричал в рупор.

— У меня спина, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Какая спина? Он не отставал. Как будто он знал, что я совру. Как будто он ждал этого. Как будто ему было важно услышать это от меня.

— Больная, — сказал я. — Хроническая. С детства. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

— Отмазки, — сказал коллега. Голос был весёлым. Как будто он играл. Как будто это было шуткой. — Иди сюда. Он помахал рукой. Как будто я был ребёнком. Как будто я должен был слушаться.

Я пошёл. Ноги были тяжёлыми. Как будто они принадлежали кому-то другому. Как будто они не хотели идти. Как будто они знали, что будет плохо. Встал на круг. Красный. Яркий. Как кровь. Почувствовал, как хвост вылезает из штанов. Медленно.

Настойчиво. Как будто он выбирался из клетки. Толкнул его обратно. Сжал ягодицы. Напрягся. До боли. До хруста.

— Макс, ты странный, — сказал коллега. Голос был весёлым. Как будто он играл. Как будто это было шуткой.

— Я интроверт, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Ты оборотень? — засмеялся он. Смех был громким. Резким. Как будто кто-то провёл по стеклу. Как будто он не понимал, что говорит.

Я засмеялся. Громко. Слишком громко. Слишком нервно. Слишком по-волчьи. Смех вырвался из горла. Как будто кто-то выпустил пар из клапана. Резко. Громко. Не смешно.

— Да, — сказал я. — Оборотень. Каждый месяц превращаюсь в волка. Вою на луну. Ем людей. Я почувствовал, как клыки заныли. Как будто они хотели показаться. Хотели быть увиденными.

Коллеги засмеялись. Громко. Долго. Весело. Я засмеялся вместе с ними. Никто не понял. Никто никогда не понимает. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто её ударило током. Раз. Другой. Третий. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Дома Лена спросила:

— Как корпоратив? Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Нормально, — сказал я. Голос был твёрдым. Слишком твёрдым. Как будто я репетировал это всю жизнь.

— У тебя хвост, — сказала она. Она смотрела на меня. Внимательно. Долго. Как будто она видела меня насквозь. Как будто она знала всё.

Я посмотрел. Хвост. Настоящий. Тёмно-серый. Густой. Вылез из штанов. Лежит на диване. Виляет. Сам по себе. Медленно. Ритмично. Как будто он жил своей жизнью. Как будто он хотел быть увиденным.

— Это реквизит, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Макс, — сказала Лена. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — Я всё знаю. Она смотрела на меня. Внимательно. Долго. Как будто она видела меня насквозь. Как будто она знала всё.

Я замер. Хвост замер. Сердце замерло. Мир замер. Я почувствовал, как кровь остановилась в жилах. Как будто кто-то нажал на паузу. Как будто время остановилось. Как будто всё замерло. В одном мгновении.

— Что ты знаешь? — спросил я. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Ты оборотень, — сказала Лена. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — Я знала это с первого дня. Она не отводила взгляд. Смелая. Или просто усталая. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

— Почему молчала? Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Я ждала, когда ты сам скажешь. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Я не мог. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Теперь можешь. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

Мы сидели на кухне. Я с хвостом. Она с чашкой чая. Молчали. Долго. Очень долго. Тишина была густой. Как мёд. Как кровь. Как страх. Я слышал, как часы тикают на стене. Громко. Ритмично. Как будто они отсчитывали что-то. Что-то важное. Что-то моё.

— Ты боишься? — спросил я. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Чего? Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Меня. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Нет, — сказала она. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — Я боюсь за тебя. Она не отводила взгляд. Смелая. Или просто усталая. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

— Почему? Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Потому что ты боишься себя, — сказала она. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — А это хуже всего. Она не отводила взгляд. Смелая. Или просто усталая. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

Я посмотрел на неё. На её глаза. Серые. Спокойные. Живые. На её руки. Гладкие. Тёплые. Человеческие. На её спокойствие. Тихое. Медленное. Как будто она знала что-то. Что-то, чего не знал я. И понял: она права. Я боялся себя. Больше всего на свете. Больше луны. Больше охотников. Больше смерти. Я чувствовал это. Как будто страх был живым существом. Как будто он жил во мне. Как будто он дышал моим дыханием. Как будто он бился моим сердцем.

— Что теперь? — спросил я. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Теперь ты будешь собой, — сказала Лена. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. — Просто собой. Волком. Человеком. Максом. Она не отводила взгляд. Смелая. Или просто усталая. Усталые не боятся. Усталым всё равно.

Я зарычал. Тихо. Нежно. Благодарно. Я почувствовал, как рычание выходит из горла. Тёплое. Густое. Как кровь. Как будто оно было частью меня. Как будто оно было мной. Она улыбнулась. Губы дрогнули. Чуть-чуть. Совсем немного. Но я увидел. И погладила меня по голове. Как собаку. Как волка. Как своего. Я почувствовал её ладонь на своей шерсти. Тёплую. Шершавую. Живую. Как будто она трогала меня. Настоящего. Своего. Меня.

Запись 4. «Аквафобия и гормоны»

Четверг. До полнолуния — 3 дня.

Лена сказала:

— Макс, тебе нужно выпускать энергию. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я буду сопротивляться. Как будто ей было всё равно.

— Я выпускаю энергию, — сказал я. — Когда вою на балконе. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Это не считается. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Считается, — сказал я. — Это кардио. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

— Запишись в фитнес. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Не пойду. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Пойдёшь. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я сдамся. Как будто она видела меня насквозь.

Я пошёл. Ноги были тяжёлыми. Как будто они принадлежали кому-то другому. Как будто они не хотели идти. Как будто они знали, что будет плохо.

Фитнес-клуб пах потом, хлоркой и отчаянием. Запах был густым. Тяжёлым. Как будто кто-то пролил химикаты на пол. Как будто он впитался в стены. В меня. Я почувствовал, как ноздри расширяются. Как воздух входит глубже. Как лёгкие горят. Я вошёл и сразу почувствовал: зверь внутри напрягся. Слишком много тел. Слишком много движения. Слишком много бегущих людей. Добыча. Я чувствовал их запах. Пот. Страх. Адреналин. Жизнь. Как будто кто-то открыл дверь в другой мир. В мир, где я был собой. Где я был волком.

Тренер — качок с улыбкой робота — сказал:

— Начнём с кардио. Голос был гладким. Как будто он репетировал это перед зеркалом. Как будто он знал, что я буду сопротивляться. Как будто ему было всё равно.

Я встал на дорожку. Резина была холодной. Как будто кто-то плеснул в меня жидким азотом. Подошвы прилипли к поверхности. Чуть-чуть. Совсем немного. Но я почувствовал. Через минуту я понял: я не бегу. Я преследую. Впереди — мужик на соседней дорожке. Он убегает. Я догоняю. Я не могу остановиться. Я чувствовал, как ноги двигаются сами. Как будто они жили своей жизнью. Как будто они знали, что делать. Как будто они были моими. Настоящими. Волчьими.

— Макс, сбавь скорость! — кричал тренер. Голос был громким. Слишком громким. Как будто он кричал в рупор.

Я зарычал. Тихо. Слишком тихо, чтобы он услышал. Слишком громко, чтобы я мог это игнорировать. Он отшатнулся. Я услышал, как его сердце забилося быстрее. Как будто кто-то стучал в дверь. Громко. Часто. Люди обернулись. Я чувствовал их взгляды на своей коже. Как будто они трогали меня. Руками. Глазами. Чужими. Я сбросил скорость. Сделал вид, что устал. На самом деле я хотел ещё. Ещё. Ещё.

Потом — штанга. Металл был холодным. Как лёд. Как смерть. Как вечность. Я поднял. Легко. Слишком легко. Мышцы напряглись. Приятно. Правильно. Я поднял ещё. И ещё. Тренер сказал:

— Ты монстр. Голос был тихим. Слишком тихим. Как будто он боялся. Как будто он знал, что я могу быть опасен. Как будто он видел меня насквозь.

— Спасибо, — сказал я. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Это не комплимент. Голос был тихим. Слишком тихим.

— Знаю, — сказал я. — Но приятно. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

Кульминация — бассейн. Вода была голубой. Яркой. Холодной. Как будто кто-то налил туда жидкий азот. Я чувствовал запах хлорки. Резкий. Химический. Как будто кто-то пролил лекарство на пол. Как будто он впитался в меня. В мою кожу. В мои лёгкие. Я не хотел. Но Лена сказала: «Попробуй». Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. Я прыгнул. И запаниковал. Вода. Мокро. Холодно. Шерсть намокнет. Я чувствовал, как вода проникает под кожу. Как будто кто-то вливал в меня что-то чужое. Что-то неправильное. Что-то не моё. Запах хлорки. Люди

плывут. Брызгаются. Смеются. Я чувствовал их движения. Как будто они были в моей голове. Как будто они были мной.

Я выскочил, как пробка. Вода стекала по мне. Холодная. Тяжёлая. Как кровь. Все смотрели. Я чувствовал их взгляды на своей коже. Как будто они трогали меня. Руками. Глазами. Чужими. Я стоял, мокрый, с начинающей расти шерстью на груди. Я чувствовал её. Как будто она пробивалась сквозь кожу. Как будто она хотела вырваться. Наружу. На свободу. Тренер сказал:

— Мужчина, вы что? Голос был громким. Слишком громким. Как будто он кричал в рупор.

— Аллергия, — сказал я. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным. — На воду.

— На воду? Голос был громким. Слишком громким.

— Редкая форма, — сказал я. — Аквафобия. Плюс гормональный фон. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

Лена накинула полотенце. Ткань была мягкой. Тёплой. Живой. Как будто кто-то обнял меня. Через полотенце. Через кожу. Через всё. Сказала:

— Пойдём домой. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Я больше никогда, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Я знала, — сказала она. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

Дома я лёг на диван. Подушка была мягкой. Тёплой. Живой. Как будто кто-то обнял меня. Через подушку. Через кожу. Через всё. Лена принесла чай. Чашка была горячей. Я чувствовал тепло через фарфор. Как будто кто-то держал меня за руку. Как будто кто-то был рядом. Как будто кто-то знал. Я сказал:

— Я не создан для спорта. Голос был хриплым. Слишком низким. Слишком звериным.

— Ты создан для дивана, — сказала она. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— И для луны, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Она вздохнула. Тихо. Долго. Как будто она выпускала из себя что-то. Что-то тяжёлое. Что-то тёмное. Что-то своё. Я заснул. Сон был густым. Тёплым. Как шерсть. Как кровь. Как луна. И во сне бежал за белками. Лапы были сильными. Быстрыми. Моими. Это был лучший спорт в моей жизни. Без тренера. Без штанги. Без хлорки. Только я. Луна. И белка. Которая убегает. Но я догоню. Обязательно догоню. Я чувствовал её запах. Тёплый. Живой. Как будто она была частью меня. Как будто она была мной. Как будто она была моей.

Запись 5. «Гормоны и лайки»

Пятница. До полнолуния — 2 дня.

Я решил вести блог. «Дневник обычного парня». Лена сказала:

— Ты не обычный. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я буду сопротивляться. Как будто ей было всё равно.

— Я замаскируюсь, — сказал я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Как? Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Буду писать о работе. О еде. О погоде. Я улыбнулся. Криво. Слабо. Как будто это было нормально. Как будто это было обычно. Как будто это было правдой.

— Скучно. Голос был тихим. Спокойным.

— Зато безопасно. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Первый пост: «Как я провёл выходные». Пальцы дрожали. Я чувствовал каждую букву на экране. Как будто они были живыми. Как будто они знали, что я вру. Как будто они хотели вырваться. Я написал: «Гулял в парке. Ел шашлык. Смотрел на луну».

Подписчики: 3. Лена:

— Ты написал «смотрел на луну»? Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— А что? Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Ты выдал себя. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

— Никто не заметит. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Второй пост: «Мой питомец». Я выложил фото Бублика. Я чувствовал запах собачьей шерсти на своих руках. Тёплый. Живой. Как будто он был рядом. Как будто он был частью меня. Подписчики: 15. Комментарий: «Какой милый корги!» Я: «Это не мой. Это соседский». Лена: «Ты странный». Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

Третий пост: «Утренняя рутина». Я сфоткал свою руку с чашкой кофе. Кофе был горячим. Я чувствовал тепло через фарфор. Как будто кто-то держал меня за руку. Как будто кто-то был рядом. Как будто кто-то знал. На руке — волосы. Густые. Тёмные. Я чувствовал их под пальцами. Жёсткие. Как щетина. Как шерсть. Как мои. Комментарий: «У вас классный свитер!» Я: «Это не свитер». Комментарий: «А что?» Я: «Рука». Комментарий: «Вы очень волосатый». Я: «Гормоны». Лена: «Ты идиот». Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком. Я: «Я в тренде». Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Через неделю у меня 100 подписчиков. Я чувствовал их внимание как тепло. Как будто кто-то смотрел на меня. Через экран. Через расстояние. Через всё. Все думают, что я — модный блогер с экстравагантным стилем. Я не стал их разочаровывать.

Лена сказала:

— Ты продал душу за лайки. Голос был тихим. Спокойным. Как будто она говорила с ребёнком.

Я сказал:

— Я продал шерсть за лайки. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

Она засмеялась. Смех был лёгким. Тёплым. Живым. Я почувствовал, как он отражается в моей груди. Тепло. Приятно. Как будто кто-то провёл рукой по моему сердцу. Я тоже. Впервые за неделю. Смех был странный. С рычанием. Я чувствовал его в горле. Тёплый. Густой. Как кровь. Как будто он был частью меня. Как будто он был мной. Но смех. Настоящий. Человеческий. Волчий. Мой.

СЕЗОН 2. «ГНЕВ»

Фаза луны: Растущая луна

Этап: «Почему я? Почему шерсть в стоке?»

Запись 1. «Смена кожи»

Понедельник. Через два дня после полнолуния. Утро.

После полнолуния я не человек. Я — мешок с болью.

Кожа чешется. Вся. Целиком. Как будто я облезаю. Как будто старая кожа умирает, а новая пробивается сквозь неё. Я чувствую это каждой клеткой. Каждым нервом. Каждой порой. Кожа натянута. Как барабан. Горячая. Сухая. Как будто кто-то натянул её на меня слишком туго. Как будто она хотела треснуть. Порваться. Освободиться.

Я смотрю на руки. Они красные. Шелушатся. Как у ящерицы. Как у змеи. Как у монстра. Кожа сухая. Как пергамент. Я провожу пальцем по тыльной стороне ладони. Кожа трескается. Тихо. Как будто кто-то рвёт бумагу. Маленькие кусочки отпадают. Летят на пол. Белые. Сухие. Мёртвые. Я чувствую их под ногтями. Шершавые. Как песок. Как прах. Как мою жизнь.

Лена отбирает мою руку. Ладонь тёплая. Мягкая. Живая. Я чувствую её пальцы на своей коже. Как будто она трогала меня. Настоящего. Своего. Меня. Говорит:

— Перестань. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я буду сопротивляться. Как будто ей было всё равно.

— Чешется. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Я вижу. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком.

— Ты не понимаешь. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я буду сопротивляться. Как будто ей было всё равно.

Я смотрю на неё. Она спокойна. Слишком спокойна. Как человек, который принял решение. Как аналитик, который нашёл закономерность. Как женщина, которая знает, что будет дальше. Я чувствую её спокойствие как тепло. Как будто кто-то обнял меня. Через расстояние. Через всё.

— Что ты знаешь? — спрашиваю я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Что ты злишься, — говорит она. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком.

— Я не злюсь. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я вру. Как будто она хотела вырваться.

— Ты злишься на себя. За то, что ты такой. За то, что не можешь контролировать. За то, что приходится прятаться. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком. Как будто она знала, что я буду сопротивляться. Как будто ей было всё равно.

Я молчу. Она права. Я злюсь. Очень. Очень. Очень. Я чувствую злость как жар в груди. Тяжёлый. Горячий. Как будто кто-то пролил внутрь расплавленный металл. Но не больно. Приятно. Правильно. Как будто он был частью меня. Как будто он был мной.

Я иду в ванную. Пол холодный. Плитка обжигает босые ступни. Я не чувствовал это раньше. Теперь чувствовал. Каждый шаг. Как будто кто-то тыкал в меня иголками. Снизу вверх. Смотрю в зеркало. Стекло холодное. Я чувствую его через ладонь. Глаза коричневые — линзы на месте. Клыки втянулись. Шерсть спряталась. Я — человек. Нормальный. Обычный. Никто. Я чувствую пустоту в груди. Холодную. Тяжёлую. Как камень. Как будто кто-то высосал из меня что-то. Что-то важное. Что-то моё.

Я снимаю линзы. Жёлтые глаза смотрят на меня. Зрачки сужаются. Расширяются. Живут. Дышат. Ненавидят. Я чувствую их взгляд на своём лице. Как будто они трогали меня. Руками. Глазами. Чужими.

— Ненавижу, — говорю я вслух. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.

— Кого? — спрашивает Лена из-за двери. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком.

— Себя, — говорю я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.

— Не надо. Голос тихий. Спокойный.

— Надо. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.

Я надеваю линзы обратно. Прячу себя. Снова. Каждый день. Каждую ночь. Каждую секунду. Я чувствую линзы на глазах. Холодные. Чужие. Неправильные. Как будто они были частью меня. Как будто они были мной.

Я выхожу из ванной. Лена стоит с чашкой кофе. Протягивает мне. Чашка горячая. Я чувствую тепло через фарфор. Как будто кто-то держал меня за руку. Как будто кто-то был рядом. Как будто кто-то знал. Я беру. Пью. Горячо. Горько. Нормально. Кофе обжигает горло. Тёплый. Горький. Живой. Как будто он был частью меня. Как будто он был мной.

— Ты не один, — говорит она. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком.

— Я знаю. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.

— Нет, — говорит она. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком. — Ты не знаешь. Но узнаешь. Я чувствую её слова как тепло. Как будто кто-то обнял меня. Через расстояние. Через всё.

Я не понимаю, что она имеет в виду. Пока.

Вечер. Я сижу на балконе. Перила холодные. Металлические. Я чувствую их через ладонь. Как будто кто-то прижимал меня к ним. Как будто кто-то держал меня. Смотрю на луну. Растущую. Почти полную. Серебристую. Холодную. Живую. Завтра — полнолуние. Завтра — я стану волком. Завтра — всё повторится. Я чувствую луну как тепло. В затылке. В позвоночнике. В пальцах ног. Она зовёт. Не звуком. Теплом. Как будто она была частью меня. Как будто она была мной.

Лена выходит следом. Шаги тихие. Осторожные. Живые. Как будто они были частью меня. Как будто они были мной. Садится рядом. Плечо тёплое. Мягкое. Живое. Я чувствую её тепло через расстояние. Как будто оно перетекало в меня. Через воздух. Через кожу. Через всё. Обнимает. Руки тёплые. Мягкие. Живые. Я чувствую её ладонь между лопаток. Тёплую. Шершавую. Живую. Как будто она трогала меня. Настоящего. Своего. Меня. Молчит. Долго.

— Я боюсь, — говорю я. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.

— **Чего? Голос тихий. Спокойный.**

— **Что я тебя укушу. Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.**

— **Не укусишь. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком.**

— **Откуда ты знаешь? Голос дрогнул. Я почувствовал, как шерсть под кожей дёрнулась. Как будто она знала, что я не вру. Как будто она хотела остаться.**

— **Потому что ты — мой волк. А я — твоя стая. Стая не кусает друг друга. Голос тихий. Спокойный. Как будто она говорила с ребёнком. Я чувствую её слова как тепло. Как будто кто-то обнял меня. Через расстояние. Через всё.**

Я зарычал. Тихо. Нежно. Благодарно. Любя. Я почувствовал, как рычание выходит из горла. Тёплое. Густое. Как кровь. Как будто оно было частью меня. Как будто оно было мной.

Запись 2. «Валера»

Вторник. Через три дня после полнолуния. День.

Валера позвонил в дверь в девять утра. Звонок был резким. Громким. Неожиданным. Я почувствовал его как удар током. Как будто кто-то ткнул меня под ребро. Я открыл. На пороге стоял мужик в чёрном худи с капюшоном и солнцезащитных очках. Бледный. Худой. Пахнет кофе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.